

ный костюмъ и сохранялось письмо, написанное за двадцать лѣтъ до того. Свыше двадцати лѣтъ писатель чувствовалъ неумолкающей въ душѣ его голосъ, побуждающій уйти отъ близкихъ и далекихъ въ одно и то же время людей и знать прежде всего необходимости своей души. Евангельскія слова, понуждающія оторваться отъ жены и дѣтей, дабы слушаться только своей души, были страшно дѣйственны и для Толстого. И онъ съ исполненной силой боролся съ ними десятки лѣтъ. Онъ самъ говорилъ, что выбралъ наитяжелѣйшій крестъ, что для него было легче уйти, чѣмъ остаться. И въ самомъ дѣлѣ, оставался на муку, на укоры, на издѣвательства, на обвиненія въ фарисействѣ и фальши, оставался въ семьѣ, какъ на лобномъ мѣстѣ, вынося пытку страшнаго разлада между словомъ и дѣломъ. И доказательствомъ жившей въ его душѣ мечты служить то, что достаточно было лишняго повода, чтобы душа уже стараго, дряхлаго человѣка съ юношеской силой возмутилась и старое завѣтное рѣшеніе—доѣхать до ближайшей станціи, а тамъ идти пѣшкомъ на Кавказъ—было немедленно приведено въ исполненіе. Именно тогда, когда внѣшнее съ такой неодолимой силой властвуетъ надъ человѣкомъ просто потому, что онъ становится безпомощенъ и слабъ,—въ старости,—именно тогда Толстой показаль